

**Дмитрий
ГОРОХ**

г. Петрозаводск

Тесный микроавтобус урчит, но тащит нас все выше. Справа отвесные изломанные скалы со следами недавних обвалов в сочных ягодных пятнах шиповника и облепихи, слева глубоко внизу по каменистому дну ущелья бежит немыслимой лазури блестящий поток извилистой речушки Баксан. Питают ее тающие ледники, пока еще скрытые от глаз травянистыми склонами гор, и сама она цвета расплавленного голубовато-зеленого художественного стекла.

От красивых ли высот или же от высокой красоты кружится голова, пока, наконец, подвижное облако, в которое на очередном витке вкатилась «микрошка», не оставило мир за серыми ставнями. Непередаваемое ощущение сырого погреба и деревенской парилки в «черной» бане, где свет из маленького тусклого окошка пробивается лишь на расстояние вытянутой руки, через минуту сменяется восторгом, когда, фыркнув совсем уж обессиленно, гордая «газель», навьюченная как ослик, оставляя за собой клубы пара, вдруг вынырнула в солнечной высокогорной долине.

Над окружающими хребтами, еще недавно грозными и недоступными, а тут будто упавшими

ниц и распростертыми в прах, в зыбком воздухе, сияя, блистал белоснежный двуглавый Эльбрус, и каменные руки отрогов благоговейно тянулись к его стопам...

«Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Прилипчивые слова из песни давно крутились в голове, когда в сознание ворвался бесстрастный голос гида: «Сейчас мы въезжаем в балкарское село Тегенекли, расположенное в верховьях Баксанского ущелья на высоте двух тысяч метров. Справа мы видим памятник Владимиру Семеновичу Высоцкому, самый высокогорный из существующих. Здесь, в Приэльбрусье, он снялся в фильме «Вертикаль» и написал одну из самых известных своих песен...»

Так, экскурсией на Чегет и Эльбрус наш короткий отпуск распался на две части: до гор и после. Все, что я видел до сих пор в окрестностях Кисловодска: песчаные и меловые горы, пещеры, водопады Аликоновки, скалы причудливых форм, даже сам курортный парк Кисловодска с его терренкурами, беседками, гротами, аллеями, рощами, мостиками через Ольховку, долиной роз, Красными, Серыми и Синими камнями, каскад-

ными лестницами и павильонами, разбитый в 1823 году по приказу генерала Ермолова и засажженный привозными деревьями, некогда самый большой парк Европы, теперь же второй по площади из-за того, что новое время не в силах было сопротивляться нуждам бизнеса, начавшего откусывать от этого праздничного торта, все это без сомнения великолепно, восхитительно и даже умопомрачительно. Но только ледяные вершины Кавказа смогли потрясти космической силой пейзажа и оторвать окрыленный дух от уничтоженного и растоптанного в человеческом существе тела. До того я бывал в Альпах, но они показались мне не так паразитичны.

Приземлился наш литературно-отпускной десант в аэропорту Минеральных Вод третьего октября. Поэт Олег Мошников, бард Федор Кузьмин и я, на пару с супругами – вшестером – сняли комнаты в частных домиках на улице Кольцова в Кисловодске. Наш хозяин представился Юрчиком, был он отставным сотрудником милиции, из нужды ставшим «акулой» турбизнеса, и милейшим, предупредительным человеком. Однажды он сварил шулюм, приготовил шашлык из баранины на виноградной лозе и мы устроили совместный пир со стихами, песнями и отличного качества местным коньяком, источников которого в этих благодатных краях едва ли меньше, чем нарзанских (и того и другого надо употреблять в меру, чтобы не навредило).

Жили мы в старом центре города неподалеку от Свято-Никольского собора, разрушенного и заново отстроенного, прямо напротив остатков первоначальной крепости, переустроенных под краеведческий музей. Именно эту крепость упоминает Лермонтов в повести «Княжна Мери». Со строительства военных укреплений в 1803 году и началась история города Кисловодска, что любопытно, ровно через сто лет после основания Петрозаводска. В 1820 г. в Кисловодской крепости жил А.С.Пушкин. Конечно, мы не могли здесь не выступить.

Конкурировать с различными заезжими гастролистами, коих здесь великое множество, не входило в наши планы, первым и единственным пунктом которых значилось: никаких планов. Не было ни афиш, ни оргкомитета. Директор «Крепости», немало изумленный, но мужественно не подавший виду, доверил нам скрасить официальное мероприятие юных натуралистов.

Зал был полон седовласых старцев; после затянувшихся речей, приветствий и награждений по непонятному для непосвященных поводу нам да-

ли слово. Научная интеллигенция слушала вежливо и хлопала глазами. Спящий на военном совете Кутузов смотрелся здесь огурчиком. Несколько остроумных шуток Олега Мошникова из жизни современного «водяного общества» публика встретила благосклонно, ободренный выступающий тут же предложил прочитать напоследок короткий рассказ и, несмотря на робкое, но дружное «мы пойдем», взялся читать... Под конец одна дама замешкалась, чтобы подарить нам сборник своих стихов с трогательной надписью «Юным натуралистам Карелии от юннатов Кавказа»...

Первые наши дни были заняты пешими прогулками по многочисленным и неповторимым дорожкам и тропинкам парка. Здешние пути имеют ту особенность, что ведут они все не в Рим, а к Нарзанной галерее. Богатырский напиток нартов, пожалуй, не чудеснее нашей марциальной воды. Но горный воздух и южный климат заставляли москвичей и петербуржцев XIX века целый месяц трястись на перекладных в повозках по пыльным и ухабыстым трактам степной России, чтобы жить здесь в калмыцких кибитках, под защитой военного гарнизона. Только этим оправдывается рассвет курортного дела на Кавказе и упадок оногo в нашем крае.

Поднимались мы и на каменную вершину Мало-го Седла. Под нами почти на пятьсот метров ниже жил и работал город, впереди по горизонту широкими мазками тянулись зеленые склоны хребта, над которым, когда небо безоблачно, в голубоватой дымке сияют снежные вершины Эльбруса. Неподалеку на горе Красное Солнышко, на краю утеса лет десять назад был установлен бронзовый памятник сидящему на скамеечке Лермонтову скульптора Николая Ходова. Романтичная фигура молодого офицера, фронтовика наклонена вперед, взгляд устремлен на Эльбрус, внизу пропасть, а он вот-вот встанет и шагнет.

Странная судьба у этого памятника. Удивительно похожий монумент стоял во Владикавказе, но ночью был варварски демонтирован и увезен по распоряжению администрации: то ли вспомнились былые обиды осетинов на поэта, то ли это отголоски местных политических распри. А два года назад уже кисловодские чиновники решили низвергнуть поэта с Парнаса и отвели ему место в нижнем парке у мостика «Дамский каприз». Теперь, получается, бронзовый Лермонтов не в силах отвести взгляда от каменного грота, облюбованного местными и приезжими ценителями для романтических встреч. Пользуясь замешательством Михаила Юрьевича, другие активные да-

мочки в это время зачем-то елозят на его коленях и натирают до блеска нос.

Путешествуя в Северную Осетию, мы фотографировались у грандиозного монумента Уастырджи – Святого Георгия на трехногом коне, авторства все того же Николая Ходова. Стальной всадник как бы возносится из скалы и нависает над дорогой в Алагирском ущелье. Образ святого сильно отличен от канонического и больше соответствует древнему языческому герою. Двадцативосьмитонная статуя тоже, вслед за низвергнутым памятником Лермонтову, грохнулась вниз однажды. То ли небеса надавили, то ли земля притянула, то ли просто такая местная традиция.

Христианство пришло в Осетию на половину тысячелетия ранее, чем в русские земли, но, не затронув глубоко души народа, осталось во внешней обрядовости. На древнем капище осетины пристроили иконы Уастырджи и Мады Майрам (Мать Мария), соорудили павильоны: здесь они слушают тишину древнего бога, имя которого может быть любым: Ахура-Мазда, Зевс, Саваоф, Христос, и ни одно из них не будет настоящим. Здесь под куполом неба в окруженном скалами ущелье – в истинном храме их веры – мужчины приносят жертвы тому, о ком тысячелетия стерли любые фантазии, оставив тишину присутствия и отклик молитв.

Кавказ – большая коммунальная квартира этносов, где про соседа расскажут любую гадость вполне беззлобно. Невозможность разъехаться учит терпению и философскому взгляду на жизнь. При всей своей природной горячности и отчаянной смелости истинный сын Кавказа выглядит настоящим флегматиком. Подобной «броней» наделен только ядерный реактор.

Как родовая каменная башня, нависшая над пропастью, где ключья тумана налетают призраками былых смельчаков и порывистый ветер сбивает с ног, так – не нараспашку – и душа осетина. Скромнен и незаметен и сам горец. Вспомните Сталина, ходившего в заношенном френче и движением мизинца отдававшего приказ на переселение народов. Здесь, в Осетии, бюсты и улицы вождя встречаются повсюду.

В одном из отвесных каменных склонов на входе в ущелье предки осетин построили крепость. Похоже ласточки строят гнезда. Мы не увидели никакой крепости, пока не перешли по мостику через бурный ручеек Фиагдона и не оказались прямо перед ней, настолько искусно и незаметно была сооружена известняковая стена с бойница-

ми, закрывшая вход в пещеру. Попасть в нее можно было только через единственный лаз по веревочной лестнице. Сама пещера вмещала сотни людей и была готова к длительной осаде. Выше, справа и слева, виднелись бойницы других укреплений, независимых друг от друга, вместе же получался неприступный по средневековым меркам оборонительный комплекс. Только воины Тамерлана, взявшего крепость измором, и пушки генерала Абхазова, разрушившие стены, отпраздновали здесь свою победу.

Другой раз мы готовились выступить восьмого октября в Минеральных Водах на вечере памяти А.С. Грибоедова. Собрал вечер в музыкальном колледже известный в Карелии и на Кавказе журналист, актер, педагог и поэт Николай Прокопец – организатор поэтического театра «Кредо». Птенцы его актерской школы читали грибоедовские шедевры, впрочем, «читали» не то слово, они шептали, плакали, кричали, пели и играли стихи так выразительно и так эмоционально, что поднявшиеся было смешки скованной и закомплексованной части студенчества смолкли, не в силах противостоять стихии, разбуженной Мастером в этих подростках. Сам Прокопец блистал привычно, колдуя и ворожа над залом, укутывая в бархат голоса и прожигая взглядом, мастерски удерживая внимание сложной аудитории. После исполнения вальсов Грибоедова и романсов на его стихи искушенная публика перешла в руки гостей, кроме нас выступил поэт из Карачаево-Черкесии Мусса Дудов, читавший тихо и трогательно. Полки дрогнули, не в силах дослушать мои литературоведческие изыски о взаимоотношениях «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова», и в данной ситуации простительнее было скомкать трактат, чем потерять армию. Стихи Олега Мошникова и песни Федора Кузьмина подняли боевой дух, и бурные аплодисменты новыми звездами упали на погоны нашего честолюбия.

Эльбрус! Он и сегодня манит, величественный и мягкий одновременно. Его очертания женственны, но под ними клокочет ярость живого вулкана, он выше людей, и все человеческое ему чуждо. Ему поклоняются, его обожают, он мог бы стать пастырем, но он равнодушен к миру. Сокрытые в нем силы больше его и нас. Его убийственная мощь и его жертвенная красота покорили меня своим совершенством.

Когда нам посоветовали поездку в урочище Джилы-Су, мы согласились уже только потому, что хотелось снова увидеть Эльбрус. В первый

раз мы приближались к его восточным и южным склонам. Это самый популярный маршрут. Здесь все обустроено: гостиницы, кемпинги, электрические канатные дороги, горнолыжные спуски и многое другое, что сделано человеком и для человека. Человеческое участие ничуть не умаляет природных красот.

Вершина Чегета – отличное обзорное место: на юге – северные склоны Главного Кавказского хребта, величественный Донгуз-Орунбаши с ледником «Семерка», сразу за перевалом начинается Грузия, на севере – южные склоны Эльбруса, Джилы-Су, плато Бермамыт, где сходятся границы Ставропольского края, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, город Кисловодск. Такая вот занимательная география! Ну и, конечно, сам подъем на одну из семи высочайших гор планеты: не затратив ни одной килокалории, мы с комфортом поднялись на 3500 метров и высадились на станции «Мир». Здесь яркое солнце, снега и легкий морозец. Две вершины – вот они, на ладони. Легкая прогулка! Только там в это время мороз за сорок и вьюга, и на самых, казалось, истоптанных альпинистских маршрутах ежегодно гибнут десятки людей. Мы не были альпинистами, не думали покорять или брать штурмом, и магическое внезапное притяжение, поиграв, отпустило нас.

В другой раз мы попадали к подножью Эльбруса с севера, по ущелью Малки, где следы человеческой культуры и бескультурия еще крайне редки и силы природы властвуют безраздельно. По единодушному признанию всех в нашей команде, это было самое восхитительное, ни с чем не сравнимое путешествие. Ранним утром все было скрыто в густом тумане. Душа уже не ждала открытий и радовалась лишь детским восторгам тела, которому были обещаны теплые ванны Джилы-Су и чудодейственные источники на любой самый взыскательный вкус и на любую самую запущенную болезнь.

Как известно из сочинения Псевдо-Аполлодора, автора «Библиотеки», Прометей был прикован к склону Кавказских гор. Адыгские сказания местом пребывания богов называют гору Ошхамахо. Однажды предводитель нартов Насрен-жаке отважился проникнуть на священную гору и сразился со злым богом Пако, укравшим у людей огонь. Разгневанный таким самоуправством, верховный бог Тха приказал приковать богоборца к скале цепями. На кабардинском языке «Ошхамахо», что переводится как гора счастья, – и есть Эльбрус. В девятнадцатом веке черкесы

еще показывали русским путешественникам камень в вышине, к которому был прикован герой.

Журналисты назвали Джилы-Су мистической здравницей России. Эзотерики свили себе здесь гнезда выше орлиных. Тут и славянский рай – Ирий, и древние цивилизации, и немецкий аэродром в горах, где должен был приземлиться Гитлер, чтобы отыскать пятый элемент. Воистину, сон разума порождает чудовищ!

Кроме тумана, других чудовищ мы не встретили, да и туман стал рассеиваться, и утренние золотистые лучи солнца пробивали в сером саване подвижные бреши. Автобус сделал остановку на высокогорном плато. Пожухлые краски осенней степи были подернуты инеем. На горизонте ветер гнал облака, то скрывая, то открывая вновь заснеженные пики, в этот момент словно обрамленные равным паспарту. Солнце светило все ярче, и неожиданно впереди открылись прозрачные дали. Над дорогой возвышался двугорбый Эльбрус, и только отсутствие барабанной дроби и пионерского горна доказывало реальность происходящего.

У теплого источника какие-то люди разбирали последние самодельные навесы и палатки, собранные из разного старья. Несколько строительных бытовок, почти никогда не пустующих, здесь вроде пятизвездочной гостиницы. Из расщелины клокочет серно-кислый нарзан, изливаясь в природную ванну, где умещаются до десяти человек. Доктора еще не придумали для Джилы-Су правил и распорядка, и каждый волен пить из разных источников, смотреть, как реки берут начала из ледников, как извергаются с немыслимой высоты водопадами, следить за полетом орла и любоваться рассветами и закатами. В этом месте чувствуется дух веселой и дружной коммуны. Блага цивилизации с неременными иерархичностью и барышничеством еще не зазвучали в урочище пустозвоном современных рыночных и общественных отношений. Но вот уже построено асфальтированное шоссе и на границе стоит шлагбаум, и назначена плата за въезд, и коммерсанты выстроились в очередь за право торговать, строить и управлять. И я уже слышу хохоток Пако, и грохот цепей стенающего титана, и мне уже кажется, что на несуществующем аэродроме зажигаются посадочные огни.

Когда в Кисловодске задождило, осень все-таки, мы осознали необходимость спуститься с гор и направились в музей. Уютная дача художника-передвижника Николая Ярошенко стала домом для замечательной коллекции живописи и графики. Генерал-майор был народником, но сам в на-

род не ходил, однако талант его и слава привели народ к нему. Федор Шалапин, напротив, не для того выходил из народа, чтобы когда-нибудь вернуться. Когда воодушевленные рабочие и крестьяне настигли его в Петербурге и замаячила братская перспектива делить вино, женщин и деньги, великий бас тихой сапой перебрался в Париж, куда лапотникам путь был заказан. Теперь вот и усадьба Шалапина в Кисловодске закрыла перед нами свои гостеприимные двери. Помяв шапки в руках, мы спросили короткую дорогу до домика Солженицына, донна – хранительница музея – не отказала себе в удовольствии послать нас кружным путем. Поняв, что заблудились, мы задали тот же вопрос встречным мальчишкам. Те, в свою очередь, поинтересовались, зачем нам Солженицын, ведь он же вроде помер. Не иначе, решили мы, лешак нас водит, и разбили туземные чары заморским гаджетом. Навигатор проложил новый путь, который и вывел нас к цели.

Теремок тети А.И. Солженицына в аристократической части города, где писатель прожил несколько детских лет, был приговорен как член семьи, претерпел немало, но уцелел, вопреки здравому смыслу. В свое время размещались в нем и парикмахерская, и мастерская, и котельная, и был он заброшен и разорен, и уже приступали к сносу, а вот же, обветшалый и загаженный, бомжевым приютом дожил он до перестройки. Всю улицу снесли, Пантелеимоновскую церковь взорвали, а этот дом устоял, чтобы по-дедовски, развалиной, но в полный рост встретить проехавшего железкой через всю страну от Магадана до Москвы, а потом и до Кисловодска изгнанного великого русского писателя и патриота, когда он триумфально возвращался на родину. После смерти Солженицына дом начали восстанавливать. И вот уже в 2015 году, летом, открылся замечательный, очень современный музей, новым языком говоря, интерактивный и мультимедийный.

О детстве писателя, о его родителях, о первых воспоминаниях пятилетнего пацаненка, таких ярких, что пронес их Солженицын через всю жизнь, ставших истоками его творческой полноводной реки, не иссохшей, не ставшей частью чужого потока, но вобравшей в себя тысячи и тысячи ручейков-судеб, чтобы влиться в конце пути в вечность, о войне и шарашке, о рудниках и ссылке, о Новом Мире, об изгнании и возвращении говорят фотографии и документы, интервью и фрагменты фильмов на видеозэкранах и динамических витринах, и экскурсовод в этом оркестре не первая скрипка, а одухотворенный дирижер.

Руководитель музея Александр Подольский провел нас наверх, в третий этаж башенки, где под крышей установлен телескоп. Для детишек здесь будет устроен Астрономический клуб, ведь и сам Солженицын в школе преподавал астрономию и физику. Как верно заметил Олег Мошников в своем стихотворении:

*На чердаке поставлен телескоп –
Звезду писателя увидеть после смерти.*

Но мы ошибемся, если решим, что этот замечательный исторический и архитектурный памятник в древнерусском стиле, что эти статные хоромы с каменной горницей и деревянным теремом, увенчанным фигурной крышей, с резными балкончиками и крыльцами, с шатровой башенкой, редчайший образчик в современном городе, открыты взору и возвышаются над окружающим ландшафтом. Ничуть не бывало. С четырех сторон, буквально вплотную, растут железобетонные стены каких-то гостиниц, образуя подобие колодца или каменного мешка, в котором новый век держит свои «безделушки», вроде низвергнутого памятника Лермонтову или дома Гориной...

Нам показали неприметную тропу, и уже через минуту, спустившись по склону, мы прошли мимо светящихся окон дома-усадьбы Федора Шалапина.

Последнее наше выступление должно было состояться в Пятигорске. Елена Даниленко, заведующая отделом «Дом Алябьева» Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, планировала организовать маленький поэтический вечер. Но, как это часто и бывает, все произошло несколько иначе. Мы, как пилигримы, шли за звездой. А звездой был Николай Прокопец. Камерное мероприятие превратилось в новый вечер памяти А.С. Грибоедова, приуроченный к 220-летию со дня рождения поэта и дипломата. Только теперь не студенты, а творческая интеллигенция собралась в зале, публика тонкая и взыскательная.

Заслуженная артистка России Ирина Комленко исполнила два романса, музыка Анны Сааковой на стихи Грибоедова прозвучала впервые. Олег Мошников прочитал свой «Алмаз».

*Январским днем смертельно Пушкин ранен.
В преддверье ночи Лермонтов убит...
Растерзан Грибоедов в Тегеране –
В чреде смертей безвременных – пиит,
Встав в полный рост, шагнул под ятаганы,
За ним – посольство, Петербург, Кавказ!*

*Скривился царь российский: «Басурманы!
Чего с них взять? Ну разве что – алмаз...» –
За голову посла – Вазир-Мухтара,
Чтоб шах Державе предан был и впредь...
Царю о прочем думать не пристало,
Раз выгодна Двору такая смерть!
Мол, был посол негибок и невежлив –
Отсюда недоимки и джихад...
И то, судья нашелся – словом режет!
А резать может только бриллиант...
Персидская резня – забыта Высшим Светом.
Полна казна. Набиты закрома.*

*Открыл глаза России Грибоедов:
В крови караты, горе от ума.*

*На Черной речке ал рубин рассеян,
Рассыпан на горе Машук агат...
Поэта русского бесценен дерзкий гений
И – огранен бессмертием талант!*

Федор Кузьмин спел несколько песен. Читали стихи поэты Умар Яричев из Чечни, Светлана Клименко из Пятигорска. В художественном чтении вместе со своими студентами по-прежнему неотразим был сам Прокопец, перемежая чужие поэтические строки своим отточенным мастерством рассказчика. Судьба и творчество Грибоедова в его изложении казались утонченной вязью малоизвестных фактов и неожиданных сопоставлений. Зал рукоплескал. Мне была уготована участь завершить этот вечер все тем же докладом. Грибоедов никогда не бывал в Карелии, но в Петрозаводске живут потомки Пушкина, хранится посмертная маска поэта. Взаимоотношения двух современников, двух гениев дают неожиданный ракурс. Чтобы не утомлять читателя пересказом, представлю главные тезисы.

Молодой Грибоедов примкнул к литературному обществу «Беседа любителей русского слова», основанному Державиным и Шишковым. Он был патриотом, любителем всего русского и противником западного тлетворного влияния. Позже над преклонением общества перед всем иностранным он еще посмеется в «Горе от ума». Пушкин весело обрушивал весь свой талант на участников «Беседы...», осыпая их градом колких эпиграмм. Сам Пушкин состоял в «Арзамасском обществе безвестных людей», защищавшем от нападков идеи Карамзина о необходимости реформирования русского литературного языка. Как всегда у нас, говорили они об одном, но разными словами. Вряд ли кто упрекнет Карамзина

или Пушкина в отсутствии патриотизма. Тем не менее такое свойственное всем русским неумение слышать друг друга и здесь сыграло дурную шутку. Плодотворные споры о развитии языка породили и первую трещинку, ставшую в будущем пропастью, между «западниками» и «славянофилами». Сегодняшние либералы и консерваторы самозабвенно продолжают любить Россию, каждый по-своему.

Тем не менее и Пушкин, и Грибоедов, понимая ограниченность двух подходов, идут каждый своим путем, но идут навстречу друг другу. На нейтральной полосе рождается русский литературный язык. Похожую идею декабристов. И Чацкий, и Онегин – носители новых, западных идей, они «прогрессивно мыслящие люди», как нарекут их позже. Декабрист Чаадаев один из прототипов этих персонажей. И Пушкин, и Грибоедов вкладывают в уста героев собственные мысли, наделяют передовыми идеями, дают им возможность проявить себя в обществе, наблюдают и... выносят безжалостные приговоры обществу, героям, себе. Татьяна «русская душою», пережив влюбленность, отвергает Онегина. Чацкий говорит красиво, но «не служит, то есть в том он пользы не находит...» Вот и шпилька автора, служившего ревностно. Заявление «служить бы рад...» остается пустым звуком. Непонимание персонажем российской действительности приводит к краху. Оболганный Чацкий бежит, а его идеи оказываются дискредитированными. Так же поспешно и необдуманно было выступление декабристов, которое только отодвинуло проведение либеральных реформ. Недаром сначала герой был довольно прямолинейно назван Чадским.

Менее понятно происхождение имен Онегин и Ленский. Идея имен-гидронимов, производных от названий северных рек, не оказалась плодотворной. К тому же Ленский изначально, в черновиках, назывался Холмский. Отсюда: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» Переименование в Ленского, в случае имен-гидронимов, приводит к смешению, а должны быть единство и борьба. Пушкин полифоничен, многослоен: и его герои раскрываются во взаимодействии политических взглядов (западничество – русская самобытность), литературных подходов (стихи – проза) и эмоциональных характеристик (лед – пламень).

Если не река Онега, то тогда озеро. Идея тоже не нова. Но рассмотрим такие аргументы. Первый русский реформатор – Петр Первый, а к изу-

чению личности Петра и его времени Пушкин подходил весьма серьезно, на берегу Онежского озера тот основал железодельные и пушечные заводы. В победе над шведами этот факт весьма важен. Управляли Петровскими заводами приглашенные иностранцы: Георг Вильгельм де Геннин, затем Чарльз Гаскойн. Онежское озеро звучит и в поэме Ломоносова «Петр Великий». Державин, который, «в гроб сходя, благословил» Пушкина, был губернатором Олонецкого края и написал знаменитую оду «Водопад». Наконец, приятелем Пушкина оказался Александр Полторацкий, внук Гаскойна, с которого будто бы списан Онегин, о чем подробно пишет в своем замечательном исследовании петрозаводский краевед и писатель Николай Кутьков. Впервые эта гипотеза была озвучена им в журнале «Север» еще в 1998 году. Неоспорим тот факт, что Пушкин много раз и слышал и встречал в рукописях слово Онега или Онего, относящееся именно к озеру. Когда позже декабрист Федор Глинка, сосланный в Карелию, напишет поэму «Карелия», в которой Онега (озеро) названа зеркалом страны, Пушкин с напутственным словом, «выписав несколько отрывков», напечатает ее в своем журнале. В этот момент Онегин уже назван, но роман еще недописан.

К тому, что сказано, стоит добавить еще одно соображение. Николай Кутьков много пишет о доме Лениных. Там Пушкин встречается с Полторацким, знакомится с его двоюродной сестрой Анной Керн, любовные многоугольники молодых людей едва не приводят к дуэли. В конце концов, именно в доме президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина, в присутствии всех действующих лиц, Крылов читает басню, где есть строка «Осел был самых честных правил...». Здесь стоит пойти до конца и предположить, что Пушкин мог анаграмматически воспроизвести имена главных героев из фамилии Оленин. Оленин – Онегин – Ленский.

Смерть Грибоедова из политических соображений повелено было считать результатом опрометчивого усердия самого дипломата. Цензура бдительно вымарывала любые упоминания о трагедии. Пушкин лишь через семь лет в «Путешествии в Арзрум» публично откликнулся на смерть Грибоедова. Несколько фраз о знакомстве и встречах, о жизни его и характере, и в конце, как эпиграфа: «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

В том же «Путешествии в Арзрум» Пушкин сно-

ва возвращается к «Водопаду». «Граф Пушкин и Шернваль, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество реке на Севере гремящей. Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища». Река гремяща – это карельская Суна. Иматра – местечко в Финляндии. Север в образном строе поэта окутан был представлениями более возвышенными, чем реальными, и занимал отнюдь не последнее место.

Закончил я свой доклад стихами на все ту же вечную тему: места Европы в размышлениях о России.

*Что это за мир такой правильный,
Что это за жизнь без чудес?!
По линейке все тракты, травы ли
И почти не кучеряв лес.*

*Сколько глаз: горизонт плакатами
Занавешен, скрывая суть.
Чисто вымытыми, богатыми
Проживает неспешно чужд.*

*Мягким бризом укутав голову,
Спит земля в гамаке дорог,
Самоцветом сияет Оулу –
Новгородский былой острог.*

*Миновали разборки Ордена,
Рима, Дании и Москвы...
И сжигали потомки Одина,
Чтоб опять навести мосты;*

*Пузырились хмельной отвагой ли
И разбойничали вдали,
Или снова: вдовы отплакали,
И шелка везут корабли,*

*Дабы нынче кумиром общества
Без опоры на -изм и -ость,
Оставляя вмиг скоморошество,
Восторгался наивный гость:*

*И богатством туземным, сытостью,
И разумностью бытия,
И, смутившись совсем, открытостью
Безо всякого пития.*

*Так живут: и не репу парить им,
И не божьей искать росы...
Смех Европы слышен на паперти
Молчаливой святой Руси.*

Джинальский хребет

*Музей
Солженицына
в Кисловодске*

*Водопад
Кара-Кая*

В экспозиции музея Солженицына

Будучи в Пятигорске, грех не пройти по городу, любуясь попеременно Бештау и Машуком, подняться к беседке «Эолова арфа» или спуститься к Провалу, купив билетик у медного, но такого вечно живого Остапа Бендера, пройти по парку, постоять на месте дуэли Лермонтова, вот здесь, под проливным дождем лежало его тело...

Лермонтовские места! Кому-то пустой звук, кому-то пионерское детство, кто-то бывал здесь не раз и готов приезжать еще, я был здесь впервые. В домике Лермонтова меня поразили его картины и еще почему-то письменный стол. Массивный стол коричневого дерева с зеленым сукном, самый обычный для того времени. За этим столом поэт написал стихи «Выхожу один я на дорогу», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Пророк». На этом зеленом сукне остались разбросанными черновики и в бронзовых подсвечниках оплывали огарки свечей в его последний вечер.

Вернувшись в Кисловодск, я по-новому перечел «Княжну Мери». Я взобрался на гору Кольцо и посмотрел на окружающий мир в огромный иллюминатор батискафа, застывшего в глубине времени.

Таким было наше путешествие «с милого Севера в сторону южную», к синим горам Кавказа. И хотелось бы, чтобы вместе с нами, в обратную сторону, перенесся дух Лермонтова, Грибоедова, Солженицына, и в Петрозаводске, вместо вскользь упоминаемых экскурсоводами – петрозаводской тюрьмы, где отбывал срок Николай Клюев, и барельефа на месте сгоревшего дома

Гаврилы Державина, появился настоящий литературно-исторический музей.

Отнюдь не хочу быть очередным вопиющим в пустыне, но Петрозаводску такой музей необходим как воздух. В домике горного инженера или во флигеле на Круглой площади. Ломоносов, Державин, Глинка, Пушкин и Полторацкий – есть чем увлечь туриста, для которого в нашем городе не много осталось исторических мест. Современный интерактивный музей с большими видеоэкранами и динамическими витринами, он не требует много места, но сколько же информации он вмещает! Современную молодежь вряд ли восхитит старинный диван, даже если его протирал сам Гаскойн, а вот современный девайс, выдающий голографию Гаскойна, «живая» карта объезда Державиным красот Олонецкого края его привлечет. Главное, рассказать нам есть о чем и гордиться есть чем.

Фото предоставлены автором

Дмитрий Анатольевич ГОРОХ

родился в 1975 году в г. Сортавале.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Живет и работает в Петрозаводске.

Автор книги стихов «Возвращение к морю»,

стихов и статей «Пыльца на ладони».

В «Севере» публикуется с 2004 г.

